

**На стыке римского и восточноэллинистического
цивилизационных «номосов». Из истории
приевфратской контактной погранзоны**

Е.Г. Маргарян
ЕРЕВАН

Картина мира, сущностно понятая, означает не картину,
изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картинки.

Мартин Хайдеггер. Время картины мира

«Цивилизация» принадлежит к числу тех понятий научного
и обыденного языка, которые не поддаются сколько-нибудь
строгому и однозначному определению. Если попытаться как-то
объединить различные его значения, мы, очевидно, получим
скорее некий интуитивный образ, чем логически выверенную
катеґорию.

Г.Г. Дилигенский¹

Когда я оказался на корабле, и, окруженный всеми, кто был
на борту, важно сказать, сколь велико было их любопытство, и
сколько вопросов один за другим было задано. Капитан корабля
спросил меня, когда я покинул страну великанов. Даже он не
хотел верить моим словам. Мало-помалу я убедил его, и как
только капитан мне поверил, вдруг все поверили моим словам,

¹ Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Циви-
лизации. М., 1993. Вып. 2. С. 44.

особенно когда они заметили, что я кричал, когда хотел говорить с ними, чтобы они меня услышали так, как я это делал, когда был среди великанов.

Два путешествия Гулливера: К лилипутам и великанам

Контактная зона. Ядро и периферия. Термин «контактная зона» в общественно-политических и социальных науках стал применяться сравнительно недавно. Этим, пожалуй, объясняется разночтение и расплывчатость формулировок в работах исследователей, которые употребляют этот термин в самых различных контекстах. Чаще всего выражение «контактная зона» употребляется в значении «погранзона», «межевая линия», «буферная территория», «лимитроф», «интерфейс», «кордон». Встречаются более расплывчатые или более специфические (хотя и не всегда оправданные) значения этого термина. Концепция «контактной зоны», безусловно, открывает новые возможности для понимания и трактовки многих исторических реалий древности, Средневековья, а также, почему бы и нет – наших дней. Однако произвольное использование этого термина может лишь дискредитировать само понятие. На наш взгляд, термин «контактная зона» применим лишь в контексте теории цивилизаций. Сама же концепция контактной или пограничной зоны может быть определена следующим образом: «зоны контакта» располагаются между двумя, реже – тремя или четырьмя «доменными зонами»¹, каждая из которых имеет свое «ядро»² и «периферии».

Оба эти термина ввел в оборот Иммануил Уоллерстайн, разрабатывая концепцию «современной мир-системы» (World-System)³. Ради удобства используя уже закрепившиеся во многих обществоведческих науках термины Уоллерстайна, мы, тем не менее, не согласны с некоторыми базовыми положениями его теории. Согласно Уоллерстайну, «ядро» – это кластер наиболее развитых, «центральных» стран и регионов, задающих направление развития «мир-системы» и определяющих ее ключевые параметры. «Периферия» (не всегда соотносимая с окраинами) состоит из стран и областей, занимающих маргинальное положение в системе, не играющих в ней почти никакой роли. Более того, по мнению Уоллерстайна, «периферия» деструктивна и часто оказывает негативное воздействие на развитие «мир-системы». Наряду с этим оп-

¹ В данном контексте мы сочли этот математический термин наиболее уместным. Любопытно, как термины могут переключиваться из исторического контекста в математический и обратно, наполняясь, при этом, новыми смыслами нагрузками и метафорическим содержанием.

² Мы придерживаемся концепции А. Тойнби, в отличие от Шпенглера, видевшего в культуре не начальный этап замкнутого цивилизационного цикла, а стержневое ядро цивилизации, постоянно присутствующее в ней и, наряду с религией, составляющее ее сквозную бытийную суть.

³ См.: **Wallerstein I.** The Modern World-System. 3 vols. New York, 1974–1989; **Idem.** World-System analysis. In A. Giddens & J.H. Turner, eds., Social Theory. Today. Cambridge, 1987. P. 309–324.

ределенное место в уоллерстайновской «мир-системе» занимает так называемая «полупериферия», находящаяся в промежуточном положении между «ядром» и «периферией». Оказывая некоторое влияние на жизнь «мир-системы», «полупериферия», тем не менее, не имеет самостоятельного значения и играет подчиненную роль по отношению к «ядру».

Однако теоретические схемы и построения Уоллерстайна определенно страдают однобокостью и упрощенным взглядом на мировую историю. В уоллерстайновской теории роль «ядра» переоценена, наряду с этим, явно занижена оценка «периферии». Даже самый беглый взгляд на всемирную историю позволяет выявить закономерности совсем иного характера: часто, достигнув некоего предела, ядро начинает терять креативные качества, становясь главной причиной системного кризиса той или иной цивилизации, а иногда и всей «мир-системы». В некоторых случаях кризис может стать причиной гибели даже самой сильной и могущественной цивилизации. В других случаях «мир-система» включает подспудные защитные механизмы, подающие импульсы для самообновления «ядра»¹. При этом, импульсы для самообновления поступают именно с периферии цивилизации². В то время как ядро продолжает оставаться заложником традиционной ценностной системы, на периферии, в более пластичной и подвижной маргинальной среде, нарождаются и выкристаллизовываются важнейшие идеи и мировоззренческие парадигмы будущей эпохи, способные кардинально изменить архитектуру «мир-системы», в том числе и самого «ядра». С этого момента именно «периферия» задает направле-

¹ Первым эту закономерность отметил выдающийся арабский мыслитель Ибн-Хальдун (**Ибн Халдун**. Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти / Пер. Л.Е. Куббеля) // История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990). О цивилизационной теории Ибн-Хальдуна см.: **Сорокин П.А.** Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М., 1992. С. 176; **Бацнева С.М.** Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965, С. 117; **Смирнов А.В.** Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник 2007. М., 2008. С. 159–186.

² Ибн-Хальдун, пожалуй, первым вывел закономерность о том, что самообновление цивилизации происходит под благотворным воздействием периферии. Впрочем, точно так же, с периферии приходит и гибель цивилизации. Это, по Ибн-Хальдуну, тоже является благом, если цивилизация утеряла креативное начало и способность к самовоспроизводству. Погибшая цивилизация может удобрить почву для зарождения новой цивилизации (**Сорокин П.А.** Указ. соч. С. 176; **Mahdi M.** Ibn Khaldun's philosophy of history. London, 1957; **Бацнева С.М.** Указ. соч.; **Григорян С.** Великие мыслители стран Арабского Востока. М., 1960; **Он же.** Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966; **Кирабаев И.** Социальная философия мусульманского Востока. М., 1987; **Фролова Е.** История средневековой араб-исламской философии. М., 1995; **Irwin R.** Toynbee and Ibn Khaldun // Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997. P. 461–479; **Смирнов А.В.** Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник 2007. М., 2008. С. 159–186).

ние всей «мир-системе», определяет ее конструктивные особенности и жизненный ритм¹. В первую очередь это относится к доиндустриальным эпохам.

Подобный взгляд на вещи дает достаточно оснований для пересмотра роли «периферии» в периодических циклах глобальной «мир-системы». При более пристальном рассмотрении вопроса, «периферия», особенно погранзона, предстает своего рода лабораторией, где зарождаются, выкристаллизовываются и проходят апробацию новые цивилизационные парадигмы. В тех случаях, когда «ядро» оказывается достаточно гибким и восприимчивым к инновационным идеям, происходит обновление всей цивилизации, «в старые меха заливается новое вино», по сути говоря, зарождается новый «номос», стыдливо прикрывающийся старым названием. Однако чаще ядро, особенно его консервативная элита, сопротивляется модернизации социума, не допуская встраивания новых институтов и ценностей вместо старых. В таком случае неизбежно происходит смена «ядра», которая из-за неспособности к самообновлению начинает перемещаться на окраину, поближе к источнику целеполагающих идей новой эпохи². Примером деактуализации ядра и его перемещения из центра в периферию может послужить классическая Греция, которая после походов Александра Великого, навсегда превратилась в окраину античного мира, уступив доминирующую роль восточноэллинистическим странам. Другим характерным примером может стать нерелевантность классической римской цивилизации, которая во II–III вв. н.э., утратив былую креативность, оказалась в состоянии системного кризиса. Единственным выходом из этого кризиса вновь стало перемещение цивилизационного ядра на эллинистический Восток, где образовалась Восточная Римская империя – новый тип цивилизации, прикрывающейся именем своей предшественницы.

Такие смещения ядра, на первый взгляд кажущиеся спонтанными и неожиданными, на самом деле вполне предсказуемы. Дело в том, что ядро жестко и консервативно, оно медленно реагирует на цивилизационные вызовы новых эпох. В противоположность этому, социально-политическая природа периферии в макросоциальных системах двойственна и подвижна, что делает ее более чувствительной к новым цивилизационным парадигмам³.

Особенно пластичной и маневренной частью любого социума являются маргиналы. Маргинальность обычно связывают с болезненными психологическими переживаниями и рассматривают как негативное явление. Однако, как было показано социологами и психологами, небольшая, но наиболее креативная часть маргиналов способна сублимировать свои психологические переживания на создание новых ценностей. При этом характерно стремление части маргиналов не столько приспособиться к традиционным общественным ин-

¹ Характерно, что «полупериферия» как всегда остается инертной и сколь-либо активной инновационной роли не играет.

² См.: **Shils E.** Center and periphery: essays in macrosociology. Chicago, 1975; **Шилз Э.** Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341–359.

³ С одной стороны, периферия подчиняется центру, с другой же – она может оказаться в состоянии воздействовать на него и даже заменить его, в крайнем случае, от него отделиться.

ститутам (в этом случае они просто перестали бы быть маргиналами), сколько к изменению существующих социальных структур. Именно они, благодаря своей пластичности, часто оказываются единственными поисковыми, инновационными элементами в консервативных традиционалистских сообществах. Маргиналы нередко становятся медиаторами между различными, иногда полярно далекими культурами. Подобная пограничность подчас делает маргиналов единственным элементом, способным создавать на периферии новые цивилизационные ценности. Будучи элементами транзитивными и адаптивными, маргиналы оказываются особо эффективными именно в транзитивные эпохи, оттесняя на задний план косную элиту и становясь главными действующими лицами своего времени¹.

Характерным примером креативности «периферии» можно считать маргинальную Палестину, в начале I тысячелетия породившую такую маргинальную религию как христианство, определившее ход мировой истории на тысячелетия вперед. Аналогичным примером, безусловно, является ислам, сформировавшийся в далекой Аравии, на окраине варварского и цивилизованного миров. Эта новая религиозно-этическая система смогла за короткий срок вытеснить зороастризм и стать доминирующей в большей части средневекового цивилизованного мира.

Не менее интересным примером является павликианская ересь, в VII в. возникшая на границе между двумя враждебными мирами, Арабским халифатом и Византийской империей. Вылившись в мощное движение, эта ересь IX в. едва не опрокинула Восточную Римскую империю. Характерно, что павликианская ересь образовалась преимущественно в армянской среде, в той части мир-системы, по которой некогда проходила граница PAX ROMANA и PAX IRANICA. Именно здесь, в Западной Армении, Коммагене и Понте, некогда зародился митраизм, распространившийся по всей территории необъятной Римской империи. Конечно, это было не случайным совпадением: с одной стороны, павликианская ересь образовалась под сильным влиянием древних местных и иранских культов, в рудиментарной форме сохранившихся среди населения этих стран, с другой – это было обусловлено пограничным положением этих стран и областей. Не следует забывать и о традиционном маргинальном характере местного населения, не принадлежавшего ни к одному из миров и, вместе с тем, бывшего их неотъемлемой и составной частью.

Все эти обстоятельства делают Уоллерстайновскую теорию «ядра» и «периферии» уязвимой и половинчатой. Для преодоления этой половинчатости мы сочли необходимым дополнить ее некоторыми принципиальными подходами, разработанными А. Тойнби², Ф. Бэбби¹ и К. Квигли², утверждавших,

¹ М. Вебер установил интересную закономерность: основателями большинства религий были маргиналы – лица, занимающие в социальной или культурной структуре промежуточное или окраинное положение. Будда (Сиддхаратха Гаутама Шакья Муни), Иисус Христос, Заратустра, Мохаммед порвали со своей «природной» социальной и религиозной средой.

² Так, А. Тойнби принадлежит концепция «форпостов» и «тылов» (Тойнби А. Постигание истории. М., 1991 (эпитома 12-томного соч. Тойнби (Тоун-

что зарождение новых цивилизаций происходит, как правило, не в недрах старой цивилизации, а на ее границе, в условиях взаимодействия двух и более культур. Такого рода взаимодействие – весьма распространенное явление, оно возникает, так или иначе, на границах всех культур. Однако, непременным условием такого взаимодействия должен быть его устойчивый характер. Если же взаимодействие носит спорадический характер и ограничивается лишь случайными контактами, вероятнее всего, в его зоне так и не образуется новая культура, тем более новая цивилизация.

Таким образом, в результате длительного взаимодействия, сначала медленно и незаметно, происходят тектонические сдвиги, завершающиеся спонтанным взрывом, в результате которого однажды ядро и периферия могут поменяться местами. Однако подобная трансформация совсем не обязательна и из многих тысяч случаев лишь один может оказаться в цивилизационном аспекте плодотворным. Особым случаем в истории цивилизационного синтеза выступает культура с двумя ядерными образованиями или же с неустоявшимся, антиномичным ядром, через которое может пройти раскол.

Лимес как контактная зона. Цивилизация – понятие многомерное и может проявляться, по меньшей мере, на двух уровнях – темпоральном (пространственно-временном) и духовном (NOMOS³, PAX⁴). Однако эти уровни далеко не всегда аутентичны и, при наложении, часто не совпадают. Между двумя или несколькими цивилизациями, а также между цивилизацией и так называемым варварским миром имеется четко обозначенная погранзона, порубежье. В отдельных случаях погранзона призвана служить непроницаемым кордоном между абсолютно враждебными цивилизациями и сообществами (Китайская стена, Линия Мажино, Линия Маннергейма, Железный занавес вокруг СССР и его сателлитов в годы Холодной войны и пр.), в других же случаях выступать в роли зоны контакта. Контакторами могут выступать две и более цивилизации, либо цивилизация и «варварская стихия». Характерным примером такой контактной зоны можно считать почти сплошную цепь североэллинистических городов-государств, опоясывающих Северное Причерноморье. Как известно, эти полисы выполняли медиационную роль между скиф-

bee A. A. Study of History. L., 1934–1961), сделанная в 1972 г.). С. 120–142), а также «закон компенсации» (Там же. С. 147–150).

¹ **Bagby Ph.** Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. Westport Conn., 1976. P. 176–177.

² **Quigley C.** The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. Indianapolis. New York, 1961 (2nd ed. 1979).

³ В данном случае Номос следует, прежде всего, понимать как цивилизационную парадигму, мироустройство. В Новейшее время первым, в этом значении, термин «номос» употребил известный немецкий юрист и политический философ Карл Шмитт (1888–1985), по праву считающийся «отцом» геополитики. В своей теории «больших пространств» (Grossraum) он весьма образно описал агон двух взаимоисключающих «номосов» – «номоса» Земли и «номоса» Моря. Этот агон, по его мнению, определил характер всей современной эпохи.

⁴ PAX (лат.) – мир, закон, мироустройство.

скими племенами и греческими колонистами Северного и Западного Причерноморья. Другим характерным примером зоны контакта, безусловно, является римский лимес¹. Самые известные участки лимеса – Верхнегерманско-репейский лимес, протяженностью в 550 км и Вал Адриана в Великобритании. Остатки лимеса сохранились до наших дней на территории Шотландии, в районах Рейна и Дуная, а также в западной части Северной Африки². Через лимес осуществлялись контакты, как между западной и восточной цивилизациями, так и между цивилизацией и варварской стихией³. Впрочем, лимес был не просто границей, прежде всего, эта непрерывная стена была символом силы и могущества империи, водоразделом между PAX ROMANA и остальным миром.

Особое место в оборонительной системе Рима занимал Приевфратский лимес, расположенный на восточном рубеже империи. Он во многом отличался от лимесов в Западной Европе и Северной Африке, так как служил водоразделом не между цивилизованным и варварскими мирами, а между двумя враждебными, но в чем-то сходными цивилизациями⁴. Именно этим обстоятельством была обусловлена большая прозрачность границ между империей и заевфратскими странами. Как было показано британским исследователем А. Ли, передвижение через римско-иранский пограничный кордон носило более интенсивный характер, чем через другие границы PAX ROMANA. Более того, среди нарушителей границ на Востоке всегда было больше тех, кто сумел обойти заградительные отряды римских войск, нежели, тех, кого задержива-

¹ Лимес (лат. *limes* – межа, предел) – граница между отдельными участками земли, отведенной для граждан общины. В период Римской империи лимесом называлась укрепленная граница государства, укрепленный рубеж (вал, стена) со сторожевыми башнями, которые охранялись легионерами. В систему лимеса входила сеть благоустроенных дорог, военных лагерей и сигнальных постов. Строительство лимесов было начато при императоре Августе, особенно заботились об их расширении и укреплении императоры Домициан, Траян и Адриан. В результате образовалась целая оборонная система из крупных военных лагерей (*castra*) меньшего размера (*castellum*) и укрепленных сторожевых башен (*burgis*). Лимес служил Римской империи как защитное сооружение и как средство таможенного контроля. На проходных пунктах велась торговля с «внешним миром».

² Лисовый И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Науч. ред. А.И. Немировский. Мн., 2001.

³ Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV в. н.э. М., 2000. С. 158–185.

⁴ Gray E.W. The Roman Eastern limes from Constantine to Justinian // Perspectives and Problems. Proceedings of the African Classical Association 12. 1973, P. 24–40; Invernizzi A. *Kifrin and the Euphrates Limes*. In: Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy, BAR int. Ser.297. Oxford, 1986. P. 357–381.

ли¹. С учетом того, что граница империи в Британии, Германии и на Дунае была практически непроницаема, нетрудно догадаться, что прозрачность восточных рубежей империи была обусловлена, прежде всего, тем, что римские погранвойска не придавали большого значения несанкционированному передвижению частных лиц и даже больших групп людей через восточный лимес, если только это не были бандформирования или соединения вражеской армии.

И, тем не менее, на протяжении столетий напряжение на этом участке периметра границы империи постоянно возрастало. Это хорошо демонстрирует динамика роста численности вооруженных сил на восточных рубежах. Так, при Августе количество легионов здесь возросло с двух до трех, при Тиберии – до четырех, при Веспасиане их уже было шесть, при Траяне – семь, восемь – при Антонине Пие, десять – при Каракалле, и двенадцать – при Аврелиане. В общей сложности численность личного состава возросла приблизительно в пять раз, с 30-ти до 150-ти тысяч². Такое возрастание прямо противоположно процессу, который наблюдался на большей части других фронтов. Тем не менее, даже к концу III в. численность вооруженных сил на этом участке никогда не достигала уровня тех контингентов, которые были сосредоточены против германцев – за Рейном и, особенно, в верхнем течении Дуная³.

Стратегия империи на восточном направлении, более чем где-либо, зависела от рельефа местности и человеческого фактора⁴. К северо-востоку от Приевфратского лимеса, в горах было расположено царство Великая Армения, треть по величине и силе государство в регионе, после Рима и Парфии. Это эллинистическое государство со славным прошлым, управляемое династиями из дома Аршакидов, традиционно проводило политику «третьей силы», балансируя между двумя самыми могущественными державами древнего мира. Хотя со времен Помпея Армения была «другом и союзником римского народа», зная страны периодически устраивала антиимперские демарши, изгоняя про-римски настроенных правителей, тем самым демонстрируя свою приверженность к восточноэллинистическим ценностям. Это принуждало империю постоянно держать в подконтрольном римлянам Алдзнике и Цопке (под Аршамашатом) два так называемых Армянских легиона (*Legio Armeniaca Prima*⁵ и

¹ Lee A.D. *Information and frontiers: Roman foreign relations in late antiquity*. Cambridge, 1993. P. 49–78. (Chapter 2, «At the Interface: the Frontier Regions»).

² Ле Бок Я. Стратегия римской армии. Постоянный лагерь / Римская армия эпохи Ранней Империи. Пер. М.Н. Челинцева. М., 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.roman-glory.com/le-bohec-vvedenie>. Дата обращения – 08.01.2012.

³ Там же.

⁴ Isaac B. *The Limits of Empire: The Roman Army in the East*. Oxford, 1990; Dodgeon M.H., Lieu N.S. *The Roman Eastern frontier and the Persian wars: a documentary history*. [Pt. I], AD 22–363. London [etc.], 1991; Greatrex G., Lieu S. *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: [Pt. II], AD 363 – 630: a narrative sourcebook*. Routledge, 2002; Sartre M. *The Middle East under Rome*. Cambridge MA/London: Harvard University Press, 2005. P. 20–28.

⁵ История этого легиона была недолгой. Как можно заключить из *Notitia Dignitatum*, он был сформирован во II–III вв. н.э. Легион принял самое актив-

Legio Armeniaca Secunda¹). Позднее, на закате Римской империи, эти легионы стали комплектоваться преимущественно из армян.

Южная часть лимеса проходила по пустыне, отделявшей Палестину, Сирию и Финикию, между которыми был расположен караванный город Пальмира, контролирующий все гражданские и военные контакты этого региона². Не имея возможности для организации лимеса по всей длине Евфрата, римляне расположили свои легионы в самых уязвимых и стратегически наиболее важных районах³. Поскольку здесь никогда не существовало четко обозначенной оборонительной линии, вроде Адрианова вала, главная ось этой военной организации представляла собой сеть лагерей, расположенных вдоль дорог, приблизительно в одном дне пути друг от друга. Даже самый большой лагерь насчитывал не более трех легионов одновременно⁴. Так, в Каппадокии, еще

ное участие в Персидской кампании Юлиана Отступника. Однако, после заключения Иовианом «Постыдного» договора от 363 г., понесший большие потери Первый Армянский легион был расформирован, отдельные его подразделения были отданы в ведение других легионов римской армии.

¹ Упоминается в *Notitia Dignitatum*. Был образован на рубеже III–IV вв. н.э. Местом постоянной дислокации был город Сатала. Впервые упоминается в 360 г., в составе гарнизона крепости Безабда, в верхнем течении реки Тигр, где он проходил службу с легионами II Parthica и II Flavia. В 390 г. Безабда была захвачена персами, которые учинили страшную резню среди жителей гарнизона. Однако, как видно из источников, легион выстоял и даже сохранил орла, на что указывает упоминание этого войскового соединения в *Notitia Dignitatum*, относящегося, как известно, к V в. (любой легион, потерявший орла немедленно расформировывался, а солдаты и, особенно, офицеры подлежали суровому наказанию). Очевидно, позднее, в VI–VII вв., Второй Армянский легион все же был расформирован и вошел в другие воинские соединения Восточной Римской империи. Во всяком случае, в источниках не сохранилось о нем никаких упоминаний.

² **Parker S.** *The Roman Frontier in Central Jordan // Interim Report on the Limes Arabicus Project, 1980–1985. BAR International Series, 340.* Oxford: British Archaeological Reports, 1987; **Keith G. Young.** *Rome's eastern trade: international commerce and imperial policy, 31 BC-AD 305.* Routledge, London, New York, 2001. P. 169–173, 223, 224; **Dr. McLaughlin R.** *Rome Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China.* London & New York, 2010. P. 95–97; **Graf D.** *The Via Militaris and the Limes Arabicus // «Roman Frontier Studies 1995»: Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. W. Groenman-van Waateringe, B.L. van Beek, W.J.H. Willems, and S.L. Wynia. Oxbow Monograph 91.* Oxford: Oxbow Books; **Gregory S.** *Was There an Eastern Origin for the Design of Late Roman Fortifications? Some Problems for Research on Forts of Rome's Eastern Frontier // «The Roman Army in the East» / Ed. D.L. Kennedy. Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 18.* Ann Arbor, MI: Journal of Roman Archaeology.

³ **Wheeler E.L.** *The Army and the Limes in the East // A Companion to the Roman Army / Ed. by P. Erdkamp. Blackwheel Publishing Ltd., 2007. P. 235.*

⁴ **Ibid.** Chapter: Collapse and Reorganization: The Northern Theatre. P. 247.

в 17 г. н.э. превращенной в римскую провинцию, постоянно располагались два легиона: на юге – в Мелитене был дислоцирован XII Молниеносный легион (Fulminata) и на севере, где в древней армянской крепости Сатала, на границе между Малой Арменией и Каппадокией, были размещены вначале XVI Флавиев, а затем XV Аполлонов легион.

В Сирии (в состав которой формально входили также Иудея, или Палестина) также было расквартировано несколько легионов. В Коммагене, недалеко от Самосаты, начиная со II в. расположился знаменитый XVI Флавиев легион. Эмеса служила местом размещения в течение двух первых веков нашей эры III Галльского легиона (Gallica), который затем был направлен на юг Финикии; Лаодикея приняла VI легион Ferrata в I в. и II Траянов легион в начале II в.; в Кирре в эпоху Юлиев – Клавдиев находился X легион Fretensis (образованный за проливом), затем IV Скифский легион. К этим соединениям со времени Септимия Севера нужно прибавить I и III Парфянские легионы, равно как и многочисленные вспомогательные войска, в частности конницу (во время кризиса III в.), а также флот Сирии (classis Syriaca), сформированный со времен правления Флавиев или Траяна. В довершение Аврелиан размещает на юге Финикии I Иллирийский легион. Все эти войска должны были преимущественно контролировать броды, колодцы и мосты, весьма значимые с военной точки зрения, поэтому их охраняли многочисленные дозорные укрепления, часто простые башни. И как водится, сеть дорог соединяла различные компоненты оборонительной системы. Но по-настоящему эта стратегическая организация была доведена до совершенства только в эпоху Тетрархии, когда strata Diocletiana – дорога Дамаск – Пальмира – Зура оказалась полностью укреплена. Караванный город Пальмира, столь важный с военной точки зрения, составляет часть той же стратегической системы, хотя он пользовался определенной автономией¹ (на деле в нем был установлен скорее режим протектората), а Дура-Европос, где находилась одна когорта, служила аванпостом.

Известно также, что римляне, в немалой степени, были озабочены не только надежностью лимеса, опоясывающего непосредственно империю, но и состоянием дел в подконтрольной иранским правителям Северокавказской погранзоне, призванной защищать Переднюю Азию от непрерывных вторжений беспокойных номадических народов, обитавших на бескрайних просторах южнорусских степей². Так, еще со времен Помпея, римляне нередко брали на себя часть расходов по содержанию иранских гарнизонов, охраняющих Аланские ворота и Ворота Чора³ (напротив Дарубанд-Дербента)⁴.

¹ Stoneman R. *Palmyra and Its Empire: Zenobia's Revolt against Rome*. Ann Arbor, 2003 (cop. 1992).

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб., 2009.

³ В переводе Чора означает ущелье.

⁴ Дару банд означает закрытые, заколоченные ворота. Автор X века Масуди пишет: «Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берега в море, а с другой стороны протянул ее до вершин гор Кабк и сделал ее спускающейся в ущелья гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укреплений по имени Табасаран. На каждых трех милях этой стены он сделал же-

Историки и археологи уже давно отказались от мысли, что лимес был исключительно защитным сооружением, непроницаемым кордоном. Скорее он был своеобразной мембраной между двумя мирами, обеспечивающей хорошо дозированный обмен товарами, культурными ценностями, идеями, религиозными представлениями и пр. Характерная деталь – Великая Китайская стена не имела ворот, в то время как по всему периметру лимеса были основаны форпосты с пропускными пунктами.

Наиболее близким греческим эквивалентом понятия *лимес*, пожалуй, является *теменос*¹, порубежная сакральная зона, расположенная посередине между территориями разных общин и охраняющая центр от чуждого враждебного влияния. Издревле *теменос* был известен как пространство, населенное всевозможными маргинальными² элементами (изгоями, беглыми рабами, спасающимися от мести кровников и обретшими убежище в храме убийцами, чужестранцами, рабами, обслуживающими священную территорию и пр.). Находясь на границе различных социальных групп, систем, статусов, культур и испытывающие влияние их противоречащих друг другу норм и ценностей, эти пограничные элементы в жизни традиционных сообществ, провоцировали разного рода социальные трансмутационные изменения³.

Однако если в архаическую эпоху *лимес-теменос* воспринимался как *межа* между общинными землями, то в последующие эпохи это понятие обрело новое расширительное значение и стало восприниматься как неустойчивая окраина имперской или цивилизационной платформы, так называемого *Номоса*. К примеру, на востоке Римский *лимес* стал границей между *PAX ROMANA* и восточноэллинистическим *номосом*, расположенным по ту сторону Евфрата⁴. Любой, кто выходил за рамки собственного *Номоса*, бросал вызов зако-

лезные ворота и поселил там... народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Все это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кабк...» (**Macoudi**. Les Prairies d'or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. Т. II. P. 1–3).

¹ *Temenos* – греческое слово, обозначающее священное, отмежеванное от профанного мира, оберегаемое место. Как правило, таким местом в античной Греции была территория храма, в пределах которой можно было ощутить и пережить присутствие божественного. Однако этот термин встречается и в другом расширительном значении, указывающим на священное пространство, защищающее центр. Подробнее о *теменосе* см.: Մարգարյան Ե. Հ. Մեծ Հայքի և Կոնստանդնուսի հոգևոր անկախությունների պատմությունից (արքայական հանգստարան – ὁ τεμένος) // Պատմություն և կրթություն, 2006, թիվ 3–4, էջ 17–24.

² От лат. *margo* – край, граница.

³ Характерно, что в алхимии термин *теменос* подразумевает герметически закрытое вместилище, в котором совершается превращение (трансмутация) противоположностей.

⁴ **Edwell P.M.** Between Rome and Persia. The middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman control. London and New York, 2008. P. 27–30.

нам, нарушал божественные установления, что автоматически делало его врагом людей и богов. Поэтому в 62 г. н.э., в разгар римско-парфянской войны (54–64), ни парфянский царь Вологес и его брат Тиридат, царь Армении, ни легат Сирии Корбулон, так и не решились форсировать реку Евфрат, бывшую границей между двумя сверхдержавами региона, и перенести военные действия на территорию врага. Слишком велики были ставки, и любой, кто перешел бы лимес, ставил себя вне закона и рисковал потерять все¹.

Особенно ревностно римляне охраняли северный и южный лимесы, отделяющие империю от варварского мира. Причем пограничный лимес считали священным не только римляне, но и варвары. «Преступая границу, варвары нарушали политические и нравственные законы своей общины, нормы своего племенного права. Римлянами переход границы рассматривался как нарушение римского права, как стремление врага-варвара начать войну с римским народом. Поэтому война Рима с варварами всегда была справедливой (*bellum iustum*). Переход границы врагом приравнивался римским правом к разбойничьим действиям (*latro*) и карался по закону. Лимес в психологическом плане... представлял для племен грозной укрепленной цитаделью, которую они должны были преодолеть силой... На таком значении лимеса как границы ограничительной строилось одно из представлений государственно-правовой мысли римского общества в отношении варварского мира»².

На восточных рубежах политика Рима была несколько иной. Здесь, между подвластными Риму средиземноморскими странами и враждебным иранским миром, империя стремилась создать своего рода санитарный кордон, лимитроф³, состоящий из находящихся в орбите римского влияния государств

¹ **Butcher K.** *Roman Syria and the Near East*. London: British Museum Press, and Los Angeles, Getty Museum Press, 2003. P. 41.

Правда, время от времени римляне сами нарушали лимес и переходили определенный Августом рубеж, тем самым ставя себя над священным законом и попирая вековые традиции. Так, Траян пытался присоединить Месопотамию; ему даже удалось захватить ее после того, как он низвел до уровня провинции Аравию (западную часть современной Иордании). Но Адриану пришлось вернуть границу империи к верховьям Евфрата. Захватническая политика снова вошла в моду при Луции Вере, который достиг Хабора в ходе своих военных кампаний 161–166 гг.; Септимий Север осуществил аннексию Северного Междуречья. С этого времени Низибис и Сингара отошли к Риму, а граница с иранской державой была перенесена на Верхний Тигр. Но государственный переворот 226 г. в Иране, вследствие которого персы Сасаниды сменили парфянских Аршакидов, резко изменили соотношение сил. Это вызвало в III в. серию римско-персидских войн, в ходе которых римляне были вынуждены потесниться обратно на запад.

² **Колосовская Ю.К.** Указ. соч. С. 184.

³ *Limitrophus* – буквально, обеспечивающий постройкой пограничных войск: неправильное слово, образованное от латинского *limit* – граница, и греческого *trophos* (питание). Слово было впервые употреблено в тексте Парижского договора 1763 года, в связи с окончанием Семилетней войны.

и государственных образований. По сути, лимитроф – это юридически оформленное промежуточное пространство между империями или цивилизациями. На его территории римляне могли без ограничений размещать и перемещать свои войска. Большинство лимитрофных государств управлялось местными династиями, взаимоотношения с которыми римляне строили на основе «дружбы» (*amicitia*)¹ и «союзнчества» (*societas*)². Статус «друга римского народа» даровался сенатом и народом как одному лицу, так и общине в целом, после установления мирных отношений (Liv. XXXI. 11.16). «Дружбе» с царями, как правило, предшествовало *deditio* – сдача на милость победителя, с обязательной выдачей оружия побежденной общиной или государством. После этого акта могли заключаться любые договоры. «Дружбу» с тем или иным народом римляне заключали лишь после победы над ним. Целью договора о «дружбе» было умиротворение враждебного племени или государства и приобщение его к римским порядкам³. Удостоенный римской «дружбы» царь получал римское гражданство, обеспечивающее ему иммунитет, защиту и покровительство римского государства⁴. «Дружба» и «союзнчество» часто шли рука об руку, однако одновременное установление дружбы и союзнчества было совсем не обязательным условием⁵.

Однако, наряду с амикальными отношениями, существенную роль во взаимоотношениях с лимитрофными государствами играл и институт «гостеприимства» (*hospitium*). Будучи пережитком кровно-родственных отношений, гостеприимство в римской общине существовало всегда. В римской традиции первые упоминания о гостеприимстве связаны с Энеем и относятся еще к гомеровскому периоду. Однако в правовой институт «гостеприимство» оформилось значительно позднее, приобретя двоякую форму. С одной стороны, гостеприимство принадлежало праву народа (*jus gentium*), с другой – праву римской общины (*jus civile*), ибо само «гостеприимство» исходит от римской общины и действует в интересах этой общины. Еще со времени Пухты⁶, многие исследователи рассматривают институт «гостеприимства» как пример продук-

¹ Ստեփանյան Ա. Ա. Քաղաքակրթական հավասարկշռության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում: Մաս երկրորդ // «ՎԷՄ» համահայկական հանդես, 2010 (№29), էջ 57–60:

² Колосовская Ю.К. Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 49–58.

³ Braund D. Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. L., 1984. passim.

⁴ Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н.э. М., 1993. С. 13 слл.; Майорова Н.Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н.э.) // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 98 слл.; Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV в. н.э. ... С. 159 слл.

⁵ Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н.э.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Саратов 1997. С. 26.

⁶ Пухта Г.Ф. Общенародное гражданское право в древнем Риме // Юридический вестник. Т. XI. Кн. III–IV. М., 1892. С. 380 слл., 390.

тивного влияния чужеземного права на право римское. «Это чужеземное право было правом, в сущности, peregrinorum, и выступает оно как международное право, как право народов, вошедших в состав римского государства. Оно явилось основой и для внешней политики Рима как на Западе, так и на Востоке. Гостеприимство было инструментом и для установления отношений Империи с племенами за лимесом, так как в варварской среде отношения племен с Империей часто строились с учетом гостеприимства. Гостеприимство было одним из важнейших правовых институтов, на котором покоилось все здание римского государства»¹.

В период расцвета Римской республики гостеприимство становится одним из факторов внешней политики Рима. Особенно ярко это проявилось во взаимоотношениях Рима с эллинистическими государствами Передней Азии. Как было показано многими исследователями, посыл римских легионов на территории дружественных и союзных Риму государств осуществлялся по принципу *per hospitium* (Suet. Tib. 37.1.)². Это означало, что расквартированные на территории этих стран римские гарнизоны имели статус «гостя», находящегося под защитой богов. Гостеприимство подтверждалось принесением нерушимой клятвы верности (*iusiurandum*), скрепленной возлиянием вина и молока³. Институт гостеприимства находился под защитой главного божества римской общины – Юпитера-Гостеприимца (*Juppiter Hospitalis*), позднее главным божеством, охраняющим институт «гостеприимства» стал защитник границы-лимеса и карающий клятвopеступников грозный Митра (об этом см. ниже).

К этому остается только добавить, что во II–I вв. до н.э. в Передней Азии лимитрофными образованиями, юридически (часто вопреки собственной воле) связанными с Римом узлами «дружбы» и «гостеприимства» стали Пергам, Вифиния, Галатия, Пафлагония, Писидия и Каменистая Киликия. Со временем, по мере продвижения римлян дальше, на Востоке большинство из этих лимитрофных государств оказывались в значительном отдалении от интерфейса (переднего края). Перестав исполнять роль санитарного кордона, эти царства и правившие ими компрадорские династии потеряли для римлян свою актуальность. Как следствие, все они лишились своего формального суверенитета и стали частью той или иной римской провинции. Роль же санитарного кордона перешла к таким странам как Пальмира, Коммагена, Каппадокия, Малая Армения, Понт, временами роль буфера играла и Великая Армения. Подобно своим предшественницам, все эти страны со временем также были удушены в «дружеских объятиях» Рима и без остатка поглощены им⁴. Из перечисленных

¹ Колосовская Ю.К. Гостеприимство как право народов древнего Рима... С. 58.

² Там же.

³ Кашеев В.И. Указ. соч. С. 218–219, 227 слл.; Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV в. н.э... С. 183–184; Она же. Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. М., 1999. С. 49–58.

⁴ Mattern S.P. *Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate*. Pp. XVIII + 259, Maps, Ills. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1999). P. 91, 118.

стран, последней свой формальный суверенитет потеряла Западная Армения, которая спустя два года после раздела Великой Армении 387 года, вошла в состав Римской империи, объединившись с Малой Арменией.

На переднем крае. Лимес, с одной стороны, являл собой непроницаемый кордон, с другой – довольно открытую, интерактивную среду. В этом мире междуимрий встречались различные цивилизации, организовывались торжища, производился обмен товарами и идеями. На протяжении почти всей истории Рима, на окраинах империи основными цивилизационными агентами Рима были легионеры, а главными очагами конвергенции местных и имперских цивилизационных ценностей были римские военные лагеря и поселения. Известно, что римский лагерь¹, как и сама римская армия², были своего рода моделью римского социума³. В то же время римские погранзаставы (*vicus*) сооружались по образцу военного лагеря: посреди крепости находился командный пункт (*officium*), рядом располагались святилища (*sacellum*) (чаще всего посвященные Юпитеру Долихену, Митре и императорскому культу, снабженные специальным жертвенником), арсенал (*arsenal*), склады амуниции, кладовые и амбары для хранения зерна (*horreum*), мастерские (*fabrica*), архив (*tabularium*) и лазарет (*valetudinarium*). По обе стороны от шатра командующего (*praetorium*) располагались солдатские казармы (*scamnum*) и дома для старших офицеров, а вокруг стен лагеря шумел канаб⁴ (*canabae*) – скопление мелких лавочек, таверн (*taberna*) и лупанаров (*lupanar*), которыми обрастала каждая крепость⁵. Впрочем, помимо проституток и маркитанток (*lix*) в этих городках тайно жили и солдатские жены (*concubina*), чаще всего из местных, ожидавшие разрешения на официальный брак⁶. Легионер имел право вступить в за-

¹ **Ստեփանյան Ա.Ա.** Քաղաքակրթական հավասարկշռության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում... , էջ 52:

² **Macmullen R.** Roman Legion as Society // *Historia*. 1984. Bd. 33. S. 440–456; **Токмаков В.Н.** Армия и государство в Риме: от эпохи царей до пунических войн. М., 2007. С. 242. Хотя ряд исследователей отмечает, что наряду с этим, во время военных кампаний происходило некоторое отчуждение армии от *civitas*. Пересекая границу Рима, воины как бы табуировались, а гражданская община отстранялась от действий своих членов, запятнанных кровью, четко противопоставляя себя своей военной организации (**Токмаков В.Н.** Указ. соч. С. 165).

³ **Woolf G.** 'Roman peace' in **J. Rich** and **G. Shipley**, eds. *War and society* in the *Roman world*. London and New York, 1993. P. 171–194.

⁴ **Hanel N.** Canabae, and vici. The Archeological Evidence // *A Companion to the Roman Army*... P. 395–415.

⁵ **Macmullen R.** Soldier and Civilian in the Late Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963; **Davies K.W.** Service in the Roman Army / Ed. by D. Breeze and V.A. Maxfield. New York, 1989.

⁶ **Keppie L.** The Making of the Roman Army from Republic to Empire. London, 1984. P. 128, 153; **Le Bohec Y.** The imperial Roman army. London, 1994 (first published in French, 1989). P. 236; **Scheidel M.** Marriage, Families, and Survival; Demographic Aspects // *A Companion to the Roman Army*... P. 415–434.

конный брак (*matrimonium iustum*) только после 40 лет¹, по истечению срока контракта (*missio honesta*), однако солдаты, отслужившие больше половины установленного срока, нарушали предписания и (конечно, только в мирное время) по-полдня проводили за пределами лагеря, являясь на службу утром и покидая лагерь вечером, до закрытия ворот.

Многие из отслуживших легионеров (*evocatus*), за время службы успевшие обзавестись семьей и небольшим имуществом (*bona castrensis*), так и оставались жить в этих поселениях, не порывая отношения с гарнизоном², бывшим своего рода моделью Рима на периферии римского мира³, однако в имперский период образовалось немало поселений осевших ветеранов⁴. Дети эти легионеров, чаще всего от смешанных браков, одинаково хорошо владевшие латинским (точнее так называемой кухонной латынью) и, по крайней мере, одним из местных языков, также становились солдатами и офицерами, либо обозными маркитантами при римском лагере.

Эти обладающие высокой адаптивностью маргинальные или полумаргинальные элементы (Зомбарт называет их «исключенными»)⁵, составляли основу приграничного неготианства. Безусловно, предпринимательством, в том числе внешней торговлей, занимались и сами римляне, но это было предпринимательство паразитическое, направленное на выкачивание средств и ресурсов из захваченных и «дружественных» стран. Занятие подобного рода предпринимательством считалось делом достойным и престижным не только для всаднического сословия, но и для патрициев (*mercatura magna*, *mercatura navicularia et oneria*). Торговля с варварами и инородцами, особенно челночная мелкорозничная (*mercatura tenuis* или *mercatura institoria*), с точки зрения римлян традиционно считалась занятием непрестижным⁶. Поэтому предпринимательство подобного рода, как правило, отдавалось на откуп чужакам. Чаще это были инородцы, обладающие римским гражданством, или peregrini (чужеземцы) и вольноотпущенники, удостоенные права торговых сношений (*peregrinos, quibus commercium datum est* – Ulp. Fr. XIX.4). Правда, свою дея-

¹ Колобов А.В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях–Клавдиях // Вестн. МГУ. Сер. 8: История. 1990. № 3. С. 54–63.

² Махлаюк А.В. Военное товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 18–37; Маяк И.Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 122–127; Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха Ранней империи). Пермь, 1999; Wesch-Kline G. The Economic Situation of veterans // A Companion to the Roman Army... P. 444–446.

³ Pollard N. Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria. Ann Arbor, 2001. P. 270.

⁴ Mann J.C. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. London, 1983.

⁵ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. с нем. М., 2005. С. 357.

⁶ Van Houndt T. Myrica: essays on neo-Latin literature in memory of Jozef IJsewijn / Ed. by D. Sacré, G. Tournoy. Leuven University Press, 2000. P. 98.

тельность они, как правило, осуществляли под покровительством своих патронов из знатных и влиятельных римлян. Так, Цицерон совершенно недвусмысленно выразил традиционное отношение римлян к торговле: «На мой взгляд, торговля, если она мелкая, – вульгарна, однако крупную торговлю, охватывающую целые страны и доставляющую товары с мирового рынка, чтобы распределять их между жителями, не обманывая их и не заговаривая им зубы, отнюдь не следует совершенно отвергать» («*Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est, sin magna et copiosa, multa undique apportans, multa que sine vanitate imperiens, non est admodum vituperanda*») (Cicero De Officiis, I. 151)). Комментируя этот отрывок, Зомбарт пишет: «В моей терминологии: быть предпринимателем-завоевателем – это еще куда ни шло, но быть предпринимателем-торговцем – недопустимо для человека, который сколько-нибудь себя уважает»¹.

Тем не менее челночная торговля между римским и неримским миром процветала. Приграничные коммерсанты, независимо от происхождения, пользовались своеобразным иммунитетом как со стороны римских солдат, так и у их противников. Они могли свободно бродить как в местах постоянной дислокации, так и в походных лагерях обоих противников. Здесь они скупали у солдат и командования военные трофеи и, самое главное, пленных, которых содержали в особых резервациях до тех пор, пока не получат соответствующий выкуп от родных и близких плененного, после чего либо отпускали на волю, либо продавали на невольничьих рынках. Для этого часто заключались предварительные соглашения о гостеприимстве, в результате которых договаривающиеся стороны обменивались амулетами и тессерами, после этого «чужак», «иной» становился ксеном, кунаком. Тессеры обеспечивали их обладателям не только неприкосновенность, но и давали право на гостеприимство на чужой территории, по ту сторону лимеса².

¹ Зомбарт В. Указ. соч. С. 163. От себя добавим, что предпринимателями-завоевателями были конкистадоры вроде Суллы, Красса, Лукулла, Помпея и политики вроде самого Цицерона.

² Исчерпывающую характеристику этого явления дает О.М. Фрейденберг: «В латинском языке сохранился любопытный след этих представлений о 'госте', как принято называть такого 'чужака', ставшего 'другом' и 'братом' такого 'пришельца в дом', получившего все права и привилегии там 'живущих' (ночлег, еду, женщину). Если по-русски это гос-ть, то по-латыни *hos-tis* – враг, а *hos-pes* – гость, приезжий, но и хозяин; *hos-tia* – очистительное, жертвенное (т.е. разрываемое) животное. Не нужно быть лингвистом, чтоб увидеть связь слов «гос-ть» и «*hos-pes*» с «господь» и «господин». Действительно, и в реалиях приходящий, появляющийся, приобщающийся к тотему 'гость' столько же в одном аспекте враг' и 'разрываемое животное', сколько в другом – сам тотем.

У греков ксены обменивались вещами, то есть своими сущностями. Ксен, или 'гость' получал 'встречу' и проводы', а также вещи хозяина (подарки – позднее). У римлян ксены, и гость и хозяин, разламывали вещь на части, которыми делились. Это были особые древние вещи без иного какого-нибудь назначения, а потому и имени. Их называли знаками, значками, по-нашему – би-

Дело в том, что в древности торговля часто шла рука об руку с войной, и часто именно войны становились стимулом для развития торговли между народами. Эту связь войны и торговли отлично понимали древние. Победоносно заканчивая военную кампанию, которая, однако, не приводила к окончательному подчинению страны и превращению ее в римскую административную единицу, римляне, в первую очередь, заключали на выгодных для себя условиях торговые договоры, обговаривая для своих неготиантов всевозможные преференции (*Romani duces semper in bellis commercium habuere cunctam – Plin. NH. XXVI. 9*). Торговля римлянами воспринималась как средство подчинить еще не до конца завоеванную страну, вовлечь ее в орбиту римских экономических интересов и правового поля¹. Нередко полному завоеванию страны предшествовало завоевание его рынков. Не случайно практически все рецидивы антиримских настроений, как в эллинистических странах, так и в мире варварских племен, выливались в погромы и избиения римских купцов и деловых людей, чересчур агрессивно захватывавших рынки «дружественных» стран и беспардонно вытеснявших оттуда местных купцов и предпринимателей. Так, еще в 88 до н.э. Митридат Понтийский практически во всей Малой Азии устроил грандиозную резню, в результате которой погибло ок. 80 тыс. колонистов (в основном неготиантов) и членов их семей (ок. 10 000 чел.). Немногом позже так же поступил Арташес II, сын армянского царя Артавазда II, в 30 г. до н.э. изгнавший римского ставленника из Армении. Свое восшествие на отцовский престол и освобождение эллинистического Армянского царства из-под римского влияния Арташес ознаменовал массовой бойней римских колонистов, в основном военных и торговых людей. Неоднократно организовывали массовое истребление римских торговцев парфяне и персы.

Безусловно, торговля на лимесе, и особенно за его пределами, считалась делом рискованным и опасным. Римские неготианты нуждались в гарантиях своей безопасности не только со стороны властей и армии, но и возможно более надежных и долговременных гарантиях: гарантиях сакральных сил. Поэтому международная торговля на лимесе велась под покровительством особых божеств. Как неоднократно отмечалось исследователями доиндустриальных экономических отношений, первоначальная торговля в основном была международной и отличалась от большинства современных форм торговли². В архаическую эпоху обмен и торговля имели амбивалентную природу, кото-

летами, марками. Это были «тессеры» у римлян» (**Фрейденберг О.М.** Миф и литература древности. М., 1998. С. 89–90).

¹ **Young G.K.** Rome's Eastern Trade: International commerce and imperial policy, 31 BC – AD 305. London, 2001.

² Известный историк «экономического быта» Западной Европы И.М. Кулишер, еще в 10–20-е гг. XX столетия предвосхитивший многие идеи Ф. Броделя, в своих исследованиях пришел к выводу о том, что «внутренний обмен возник у европейских народов сравнительно поздно. Междуплеменной обмен появился раньше; временно он возник уже во времена Римской империи – это был... пограничный обмен между (*commercium in ripa*) римлянами и германцами» (**Кулишер И.М.** Быт раннего и позднего Средневековья // История экономического быта Западной Европы. М.; Л., 1926; 1936. Т. 1. С. 127).

рая проявлялась в ее меркантильной и одновременно сакральной сущности. Подобно всем видам деятельности архаичного человека, обмен товарами нес на себе отчетливый отпечаток религиозных и нравственных воззрений той эпохи¹. Как показали исследования этнологов и антропологов последних двух столетий, ранние формы торговли осуществлялись, в основном, без посредников². Более того, поначалу торговля была «немой» и опосредованной, так как продавец и торговец обменивались товарами не видя друг друга³. Встреча участников торговых сделок неизбежно влекла взаимные враждебные действия продавца и покупателя. Торг, как правило, заканчивался потасовками и даже грабежами и убийствами.

Отрицая чисто экономический характер древнего обмена, критикуя «наивно рационалистические» объяснения древних форм торговли первичность сакральных мотивов торговли по отношению к утилитарным показали И.М. Кулишер, В.В. Латышев. Позднее О.М. Фрейденберг вскрыла новые глубинные пласты древнего обмена. Согласно Фрейденберг: «Люди-тотемы из другого клана рассматривались как “враги” в хтоническом значении: межа отделяла одно поселение от другого, и эта межа была “горизонтом”, “дверьми”, “воротами”, границей неба-преисподней; за межой – преисподняя. Отсюда – большое значение межевых камней, стен, заборов, значение настолько большое, что впоследствии оно делается сакральным. Человек, пришедший из чужого поселения, считался “врагом” – однако, если он в рукопашной борьбе не был побежден, он делался “другом”»⁴.

Однако со временем, по мере развития рыночных отношений, «немая» меновая торговля, с участием «эпифанирующих» купцов и покупателей изживает себя, уступая место торговле денежной. И тогда, как правило, появляются торговцы-посредники, для которых челночная или стационарная торговля становится основным занятием, профессией. Как было показано исследователями⁵, посредническая торговля во многих странах мира стала занятием исключительно маргинальных этнических групп, проживавших или обосновавшихся вдоль лимеса. Так, проживающее вдоль всего в верхнегерманско-ретийского лимеса германское племя гермундулов имело специальную привилегию посреднической торговли на всем северном интерфейсе Римской империи. Гермундуры вели торговые операции по обе стороны верхнего течения Дуная и

¹ Кулишер И.М. Указ. соч. С. 118–120; Он же. Очерк экономической истории древней Греции. Л., 1925. С. 168–170. (Глава 7. Торговля).

² Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 188.

³ Кулишер И.М. История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003. Он же. Очерк истории русской торговли. Петроград, 1923. С. 35–36.

⁴ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 90.

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990 (Социологич. мысль Запада). С. 44–271; Кулишер И.М. Быт раннего и позднего Средневековья... С. 118–119; Дергачев В.А. Раскаленные рубежи. Одесса, 1998.

даже беспрепятственно проникали в глубь римских провинций, что было невозможно для представителей других германских племен. А Марциан в своих объяснениях Езекиеля о сиро-палестинцах в Римской империи замечает: «До сегодняшнего дня в сирийцах живет такое врожденное рвение к делам, что они из-за наживы исходят все земли; и так велика их страсть торговать, что они повсюду внутри Римской империи среди войн, резни и убийств, стремятся нажить богатства»¹.

Митра как главный охранитель института гостеприимства на восточном Лимесе. Гарантией безопасности торговых людей и предпринимателей был феномен гостеприимства. Союз, обозначенный как гостеприимство, обычно был результатом войны. Для заключения союза о гостеприимстве требовалось непременно произнесение клятвенных заверений, засвидетельствованных богами и пенатами. Гостеприимство действовало во время мира, но, как свидетельствует Марциан, даже во время войны купцы-посредники из «чужаков» (греки, сиро-палестиняне и пр.) продолжали свою деятельность.

Многочисленные свидетельства античных авторов, подтвержденные археологическими данными, указывают на то, что в республиканский период и в эпоху принципата институт гостеприимства находился под защитой главного божества римской общины – Юпитера-Гостеприимца (Juppiter Hospitalis)². Нарушение гостеприимства было одновременно нарушением клятвы «Верности», которая давалась при вступлении в такой союз. Нарушение такой клятвы каралось римским обществом, так как оно было нарушением божеского права. Это право нужно было свято соблюдать вследствие самой его природы, ибо оно исходит от божества, в то время как право гражданское было учреждено законами человеческого общества и могло быть изменено³. Святость и нерушимость договора связывалась у римлян с религиозным понятием о божественной сущности Фидес (Fides)⁴, которая ведет свое происхождение от религиоз-

¹ Цит. по: **Зомбарт В.** Указ. соч. С. 141.

² **Richmond I.** Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples, and Religious cults // *Archaeologia Aeliana*. 1943. 21. 4th series. P. 149–214; **Idem.** The Roman Army and Roman Religion // *Bulletin of the John Rylands Library*. Manchester, 1963. 45. P. 185–197; **Speidel M.** The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1977, etc.

³ Отличие одного права – божеского от права – гражданского состояло в том, что *Fas* – есть право священное. Оно опирается на волю богов и, стало быть, неизменно. *Jus* – есть закон, созданный людьми, и он может быть и отменен и упразднен (*Fas lex divina, jus lex humana est*) (**Isidor. Orig.** V.2).

⁴ Фидес (Верность) – богиня, считавшаяся хранительницей устоев нравственной системы римского общества, гордившегося верностью принципам своего жизненного уклада и клятвам. Вместе с Пиетас (божеством исполнения долга перед богами, родиной, родителями) Фидес считалась основой общества и добродетелей римлян, гордившихся своей исключительной верностью клятве (**Polub.** VI 56, 14). Фидес была тесно связана с призывавшимся при клятве Юпитером Долихеном и слившимся с ним божеством верности Диус Фидиус, а также с понятием *foedus*, «союз», который заключался с торжественными жертвоприношениями главой коллегии фециалов с богами (**Liv.** I 24, 6).

ных обычаев предков (*mos majorum, consuetudo*). Божество, надзиравшее за верностью клятве, имело чрезвычайно древнее происхождение и почиталось еще тогда, когда в Риме в качестве законов действовали обычаи предков (*iure eam legibus ac moribus de integro condere parat*) (**Liv.** 1.19.1)¹. Из всего этого можно заключить, что гостеприимство, будучи правовой нормой общения народов, по самой сути этих норм и обязанностей восходит к институтам глубокой архаики². При заключении договора о гостеприимстве на первое место выступало доверие, добросовестность соглашения – категория скорее нравственного, чем правового характера.

Однако уже в эпоху принципата, по мере ослабления влияния традиционных римских религиозных представлений, древние божества, вроде Фидес, начинают активно вытесняться культами функционально схожих восточных эллинистических богов. Эллинистические боги, не менее древние, чем боги римские, но более сложные и синкретические, были порождением смешения более развитых культур и цивилизаций, нежели римская³. Конечно, римские религиозно-этические воззрения, в рудиментарной форме, сохранялись еще очень долго, вплоть до окончательной победы христианства на всей территории империи. Более того, некоторые из традиционных римских культов не потеряли своей актуальности и слились с очень активными восточными культами, проникшим в римскую среду с восточного лимеса.

Как и следовало ожидать, эти процессы конвергенции впервые обозначились именно в Приевфратской пограничной зоне. Здесь роль главного гостеприимца пилигримов и страждущих перешла к Митре – богу-хранителю клятв

В храме Фидес на Капитолии в Риме хранились документы и международные договоры. В период империи Фидес часто изображалась на монетах как Фидес Августа, Фидес войска, Фидес конницы и т.д.

¹ Колосовская Ю.К. Гостеприимство как право народов древнего Рима... С. 56.

² Празднество в честь «Верности» было установлено Нумой. Фламиньи приносили жертву Фидес, приезжали в крытой повозке. Жертвоприношение совершалось правой рукой, спеленутой до пальцев в знак того, что верность должно сохранять, что она свята и остается святыней даже в пожатии рук (**Liv.** 1.21.4), обернув тканью правую руку, посвященную богине (*Serv. Verg. Aen.* III 608). Соединение правых рук (часто изображавшееся на монетах с Фидес) символизировало верность заключенному договору.

³ **Dumézil G.** *Mithra-Varuṇa. Essai sur deux représentations indo-européennes de l'autorité.* Paris, 1940; **Schmidt H.-P.** *Indo-Iranian Mitra Studies: The State of the Central Problem // Études Mithriaques. Acta Iranica 17* (далее: *ÉM*). Leiden, 1978. P. 345–93; **Gonda J.** *The Vedic God Mitra* (*Orientalia Rheno-Traiectina*, Vol. XIII). viii, 147pp. Leiden, 1972; **Idem.** *Mitra and Mitra, the Idea of 'Friendship' in Ancient India // Indologica Taurinensia 1*, 1973. P. 71–107; **Thieme P.** *Mithra in the Avesta // Études Mithriaques* (далее: *ÉM*) (*Acta Iranica 17*). Leiden, 1978. P. 501–510; **Маргарян Е.Г.** Трансформация митразма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммагена, Рим) // *Иран-наме. Научный востоковедческий журнал.* № 3 (19), 2011. С. 78–110.

и верности¹. Одновременно происходило сближение образов Митры и Юпитера-Долихена. В Коммагене этот многоликий эллинистический бог, рьяно почитаемый римскими легионерами², отождествлялся не только с Аполлоном-Гелиосом, но и с Гермесом. Характерно, что в Армении и Коммагене Митра никогда не отождествлялся с богом войны. Здесь функция бога воителя принадлежала его парному богу, двойнику – Вахагну-Артагну-Гераклу. Зато в римской приграничной среде произошло смешение ипостасей, одной из которых стал Митра-воитель, Митра-Марс.

Значение Митры, как бога-посредника между западным и восточным мирами, проявилась в том, что это божество было одинаково почитаемо как по одну, так и по другую сторону Приевфратского восточного лимеса. Отсюда актуальность митраизма как религиозно-этической системы, основанной на почитании бога-охранителя границ и договора. По сути это синкретическое эллинистическо-римское божество стало своего рода цивилизационным переводчиком, способствующим перетеканию идей культурных ценностей с Востока на Запад и наоборот.

Заключение. Порождением восточного лимеса стала универсальная эллинистическая религиозная система, с легкой руки бельгийского историка Франца Кюмона получившая название митраизм³. Несмотря на свои древние и даже архаические корни, митраизм как религиозно-этическая система сформировался на рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и именно на пограничье PAX ROMANA и PAX IRANICA. В западноевропейской историографии уже достаточно давно доминирующей является точка зрения о том, что основными носителями митраистской религиозно-идеологической доктрины были солдаты и офицеры римских легионов, расквартированных вдоль демаркационной зоны⁴, которую мы обозначили как Приевфратскую контактную зону, охватывавшую Коммагену, Каппадокию, Западную Армению и Понт.

¹ **Cumont F.** The Oriental Religions in Roman Paganism. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1911; **Liebshuetz W.** Continuity and Change in Roman Religion. Oxford, 1979; **Isaac B.** The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford, 1990.

² **Vermaseren M.J.** The New Mithraic Temple in London // *Numen* 2, 1955. P. 139–145; **Daniels Ch.M.** The role of the Roman army in the spread and practice of Mithraism, in Hinnels, John R. // *Mithraic Studies: Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies*, Manchester UP, 1975, P. II.459–474; **Clauss M.** Mithras und Christus // *Historische Zeitschrift*. 1986. 243. Bd. S. 268; **Spiedel M.** Mithras-Orion, Greek Hero and Roman Army God. Leiden, 1980; **Beck R.** The Mithras Cult as Association // *Studies in Religion*, 21, 1992. P. 3–13. **Бонгард-Левин Г.М., Гаилов В.А., Кошеленко Г.А.** Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // *Вестник древней истории*. Наука. 2004. С. 145.

³ **Кюмон Ф.** Мистерии Митры. Распространение митраизма в Римской империи / Пер. с франц. С.О. Цветковой. СПб., 2000.

⁴ **Маргарян Е.Г.** Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне. М., 2011.

Все эти воинские соединения неоднократно перемещались по всей территории империи, от одного лимеса к другому (Британия, Рейн, Сев. Африка и пр.), иногда возвращаясь на место прежней дислокации. Однако помимо солдат, огромную роль в формировании и распространении митраистских религиозно-этических идей играли жители приграничных районов, особенно население военных поселений – канавов. Эта разношерстная, полиэтничная¹, откровенно маргинальная среда² становилась той бродильней, где происходила закладка новых нетрадиционных синкретических религиозных систем³ и, в первую очередь митраизма⁴. Так происходило распространение митраизма по всей периферии империи, а оттуда, в свою очередь, происходило постепенное стягивание этих религиозно-этических идей к центру⁵. Митраизм надолго стал сакральной вертикалью, соотнесшей культуру, социальную практику и геополитику римлян, народов Римской империи, а также соседних народов с трансцендентной высшей реальностью.

Литература

Ибн Халдун. Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носи-

¹ Контактная зона должна быть полиэтничной, но не всякая полиэтничная среда контактная.

² **Whitby M.** *Outsiders. Army and Society in the Late Roman World: A Context for Decline? / A Companion to the Roman Army.* Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P.519–521.

³ **Henig M.** *Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain.* Cultural Relationships in a Frontier Province. Ed. T.F.C. Blagg, A.C. King. BAR British series. N136. London, 1984. P.227–248; **Штраерман Е.М.** Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987; **Birley E.** *The Deities of Roman Britain // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II,18; Solway P.* *Roman Britain.* Oxford, 1982; **Frere S.** *Britannia. A History of a Roman Britain.* London: Pimlico, 1991; **Махлаюк А.В.** Римские войны. Под знаком Марса. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 447с. С.62-63; **Stoll O.** *The Religion of the Army: A Complex “System”.* // *A Companion to the Roman Army...* P.452.

⁴ **Cumont F.** *Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra.* Bruxelles, 1896-1899. Т.1-2; **Tudor D.** *Corpus Equitum Donaviarum.* Leiden, 1969–1976. Т.1–2; **Jaczynowska M.** *Religie swiata rzymskiego.* Warszawa, 1990, etc.; **Маргрян Е.Г.** Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Сборник статей. По материалам международной конференции "Армения в диалоге цивилизаций". Н.Новгород: Деком, 2011. С.159–171.

⁵ **Аверинцев С.С.** На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья. // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1985. – С.5-20.

телей высшей власти (пер. Л. Е. Куббеля) / История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990).

Macoudi. Les Prairies d'or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. Т. II. P. 1–3.

Аверинцев С.С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья. // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1985.

Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965.

Бонгард-Левин Г.М., Гаиров В.А., Кошеленко Г.А. Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // Вестник древней истории. М.: Наука, 2004.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, — 808 с. 1990 (Социологич. мысль Запада). С.44-271.

Григорян С. Великие мыслители стран Арабского Востока. М.: Знание, 1960.

Григорян С. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1966

Дергачев В.А. Раскаленные рубежи. Одесса, Астропринт, -104 с. 1998.

Дилигенский Г. Г. "Конец истории" или смена цивилизаций? // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2.

Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Пер. с нем. / Ин-т социологии. М.: Наука, 2005.-443 с. (Серия "Социологическое наследие").

Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200-146 гг. до н.э. М., 1993.

Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200-146 гг. до н.э. Автореферат диссертации на соиск. уч. степени докт. ист. наук. Саратов 1997.

Кирабаев И. Социальная философия мусульманского Востока. М.: Изд-во УДН, 1987

Колобов А.В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях-Клавдиях // Вестник МГУ. Сер. 8 "История". 1990. № 3.

Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха Ранней империи). Пермь: Перм. ун-т, 1999.

Колосовская Ю.К. Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. М.: ИВИ РАН. – 196 с. 1999.

Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I – IV в. н. э. М.: Наука, 2000.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.: «Петербургское Востоковедение», - 432 с. 2009: 3-е изд., исправл. и доп. («Orientalia»).

Кулишер И.М. История русской торговли и промышленности. 2-е изд.: Челябинск: Социум, - 556 с. 2003 (1-е изд.: **Кулишер И.М.** Очерк истории русской торговли. Петроград, - 322 с. 1923).

Кулишер И.М. Очерк экономической истории древней Греции. Л.: 2-я Типография 1-й Артшколы, имени Красного Октября, 1925.

Кулишер И.М. Быт раннего и позднего Средневековья. // История экономического быта Западной Европы. Т.1: 7-е изд., дополн.: М.–Л.: Госиздат, - 412 с. 1926; 1936.

Кюмон Ф. Мистерии Митры. Распространение митраизма в Римской империи. Пер. с франц. С.О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000.

Майорова Н.Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н.э.) // Религия и община в древнем Риме. М., 1994.

Маргарян Е.Г. Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Сборник статей. По материалам международной конференции "Армения в диалоге цивилизаций". Н.Новгород: Деком, 2011. С.159–171.

Маргарян Е.Г. Трансформация митраизма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммагена, Рим) // Иран-наме Научный востоковедческий журнал. №3(19), 2011. С.78-110.

Маргарян Е.Г. Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне // М.: Историческое пространство. 2011.

Махлаюк А.В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. №1. С.18-37.

Махлаюк А.В. Римские войны. Под знаком Марса. М.: ЗАО Центрполиграф, - 447 с. 2005.

Маяк И.Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996.

Ле Бозк Я. Стратегия римской армии. Постоянный лагерь / Римская армия эпохи Ранней Империи. Перевод: М. Н. Челинцева. М.: Российская политическая энциклопедия, - 400 с. 2001. / <http://www.roman-glory.com/le-bohesvvedenie> . 08.01.2012.

Лисовый И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Науч. ред. А.И. Немировский. 3-е изд. Мн: Беларусь, 2001.

Пухта Г.Ф. Общеправовое гражданское право в древнем Риме // Юридический вестник. Т. XI. Кн. III – IV. М., 1892.

Смирнов А.В. Ибн Халдун и его «новая наука». // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. - 272 с. С. 188.

Тойнби А. Постигание истории. М., 1991 (эпитома 12-томного соч. Тойнби (Toynbee A. A. Study of History. L., 1934 – 1961), сделанная в 1972 г.).

Токмаков В.Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до пунических войн. М.: КДУ – 264 с., 2007.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Второе издание, исправленное и дополненное. М: Издат. фирма «Восточная литература», - 800 с. РАН 1998.

Фролова Е. История средневековой арабо-исламской философии. - 175 с. М.: ИФРАН, 1995.

Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987.

Մարգարյան Ե.Հ. Մեծ Հայքի և Կոնստանդնուպոլսի հոգևոր առնչությունների պատմությունից (արքայական հանգստարան – ὁ τεμένος) // Պատմություն և կրթություն, 2006, էջ 17-24:

Ստեփանյան Ա.Ա. Քաղաքակրթական հավասարկշռության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում: Մաս երկրորդ // «ՎԷՄ» համահայկական հանդես, 2010 (№29), էջ 57–60:

Bagby Ph. Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. Westport Conn.: Greenwood Press, 1976.

Beck R. The Mithras Cult as Association // Studies in Religion, 21, 1992. P.3-13.

Birley E. The Deities of Roman Britain // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II,18.

Braund D. Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. L.: Croom Helm, 1984.

Butcher K. Roman Syria and the Near East. London: British Museum Press, and Los Angeles, Getty Museum Press, 2003.

Clauss M. Mithras und Christus // Historische Zeitschrift. 1986.

Cumont F. Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra. Bruxelles, 1896-1899. T.1-2.

Cumont F. The Oriental Religions in Roman Paganism. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1911.

Edwell P. M. Between Rome and Persia. The middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman control. London and New York: Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, an informa business. 2008.

Daniels Ch.M. The role of the Roman army in the spread and practice of Mithraism", in Hinnels, John R. // Mithraic Studies: Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies, Manchester UP, 1975. II.459–474.

Davies K.W. Service in the Roman Army / Ed. by D. Breeze and V. A. Maxfield. New York: Colombia UP, 1989.

Dodgeon M. H., Lieu N. S. The Roman Eastern frontier and the Persian wars: a documentary history. [Pt. I], AD 22–363. London [etc.]: Routledge 1991.

- Dumézil G.** Mithra-Varuṇa. Essai sur deux représentations indo-européennes de lasouveraineté. Paris, 1940.
- Frere S.** Britannia. A History of a Roman Britain. London: Pimlico, 1991.
- Gonda J.** *The Vedic God Mitra* (Orientalia Rheno-Traiectina, Vol. XIII). viii, 147pp. Leiden: E.J. Brill, 1972.
- Gonda J.** Mitra and Mitra, the Idea of 'Friendship' in Ancient India // *Indologica Taurinensia* 1, 1973. P.71-107.
- Graf D.** The Via Militaris and the Limes Arabicus. // "Roman Frontier Studies 1995": Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies, ed. W. Groenman-van Waateringe, B. L. van Beek, W. J. H. Willems, and S. L. Wynia. Oxbow Monograph 91. Oxford: Oxbow Books.
- Gray E.W.** The Roman Eastern limes from Constantine to Justinian – Perspectives and Problems. Proceedings of the African Classical Association 12, 1973.
- Gregory S.** Was There an Eastern Origin for the Design of Late Roman Fortifications?: Some Problems for Research on Forts of Rome's Eastern Frontier. // "The Roman Army in the East", ed. D. L. Kennedy. Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 18. Ann Arbor, MI: Journal of Roman Archaeology.
- Greatrex G., Lieu S.** The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: [Pt. II], AD 363 – 630: a narrative sourcebook. Routledge. – 373 p. 2002.
- Hanel N.** Canabae, and vici. The Archeological Evidence. Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P.395–415.
- Henig M.** Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province. Ed.T.F.C.Blagg,A.C.King. BAR British series. N136. London, 1984.
- Invernizzi A. Kifrin and the Euphrates Limes.** In: Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986, ed. by Ph.Freeman and D.Kennedy, BAR int. Ser.297, Oxford, 1986. P. 357–381.
- Irwin R.** Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997.
- Isaac B.** The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Jaczynowska M.** Religie swiata rzymskiego. Warszawa, 1990.
- Quigley C.** The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. Indianapolis. New York: Macmillan, 1961 (2nd ed. 1979).
- Keith G. Young.** Rome's eastern trade: international commerce and imperial policy, 31 BC-AD 305. Routledge, London, New York, - 209 p. 2001.
- Keppie L.** The Making of the Roman Army from Republic to Empire. London: Batsford, 1984.
- Le Bohec Y.** The imperial Roman army. London: B. T. Batsford Ltd. Routledge, 1994 (first published in French, 1989).
- Lee A.D.** Information and frontiers: Roman foreign relations in late antiquity. / Chapter 2, "At the Interface: the Frontier Regions". Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Liebshuetz W.** Continuity and Change in Roman Religion. Pp. xv + 359. Oxford: Oxford University Press, 1979.

- Macmullen R.** Soldier and Civilian in the Late Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963.
- MacMullen R.** Paganism in the Roman Empire. New Heaven: Yale Univ. Press; New York: Oxford Univ. Press, 1981.
- Macmullen R.** Roman Legion as Society. // *Historia*. 1984. Bd.33. S.440–456.
- Mahdi M.** Ibn Khaldun's philosophy of history. London: Allen & Unwin, 1957.
- Mann J.C.** Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. L.: Institute of Archaeology, University of *London*, 1983.
- Dr. McLaughlin R.** *Rome* Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China. London & New York: Continuum, - 236 p. 2010.
- Parker S.** The Roman Frontier in Central Jordan. // Interim Report on the Limes Arabicus Project, 1980-1985. BAR International Series, 340. Oxford: British Archaeological Reports, 1987
- Pollard N.** Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.
- Richmond I.** Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples, and Religious cults // *Archaeologia Aeliana*. 1943. 21. 4th series. P.149–214.
- Richmond I.** The Roman Army and Roman Religion // *Bulletin of the John Rylands Library*. Manchester, 1963. 45. P.185–197.
- Sartre M.** The Middle East under Rome. Cambridge MA/London: Harvard University Press, 2005.
- Scheidel M.** Marriage, Families, and Survival; Demographic Aspects. Paul Erdkamp (ed.) / *A Companion to the Roman Army*. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P.415–434.
- Shils E.** Center and periphery: essays in macrosociology. Chicago: Chicago University Press. 1975.
- Schmidt H.-P.** Indo-Iranian Mitra Studies: The State of the Central Problem // *Études Mithriaques*. Acta Iranica 17. Leiden, 1978.
- Solway P.** Roman Britain. Oxford, 1982.
- Speidel M.** The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1977.
- Spiedel M.** Mithras-Orion, Greek Hero and Roman Army God. Leiden: E. J. Brill, 1980.
- Stoll O.** The Religion of the Army: A Complex “System”. Paul Erdkamp (ed.) / *A Companion to the Roman Army*. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P.452.
- Stoneman R.** *Palmyra and Its Empire: Zenobia's Revolt against Rome*. Ann Arbor: *University of Michigan Press*, 2003 (cop. 1992).
- Thieme P.** Mithra in the Avesta // *Études Mithriaques* (далее: *ÉM*) (*Acta Iranica 17*). Leiden, 1978.
- Tudor D.** Corpus Equitum Donaviarum. Leiden, 1969–1976. T.1–2.
- Van Houndt T.** Myrica: essays on neo-Latin literature in memory of Jozef IJsewijn. Edited by Sacré D., Tournoy G. Leuven University Press, 2000.
- Vermaseren M.J.** The New Mithraic Temple in London. // *Numen* 2, 1955. P.139-145.

Wallerstein I. The Modern World-System. 3 vols. New York: Academic Press, 1974 – 1989.

Wallerstein I. World-System analysis. In A. Giddens & J.H. Turner, eds., Social Theory. Today. Cambridge: Polity Press, 1987.

Wesch-Kline G. The Economic Situation of veterans. Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P.444–446.

Wheeler E.L. A Companion to the Roman Army. Edited by Paul Erdkamp. - 574p. Blackwheel Publishing Ltd., 2007.

Whitby M. Outsiders. Army and Society in the Late Roman World: A Context for Decline? Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P.519–521.

Woolf G. 'Roman peace' in *J. Rich* and *G. Shipley, eds. War and society in the Roman world.* London and New York: Routledge, 1993. P.171–194.

Young G.K. Rome's Eastern Trade: International commerce and imperial policy, 31 BC – AD 305. London: Routledge, 2001.